

ОЛЬГА ЭДЕЛЬМАН

Русский колониальный стиль

– Осуши свои слезы и воротись к нам веселенька.

Они все плачут при помолвке, – продолжал он, обратясь к Верейскому, – это у них уж так заведено... Теперь, князь, поговорим о деле, т.е. о приданом.

А.С. Пушкин. Дубровский.

Россия – на стыке между Западом и Востоком, не совсем одно и не совсем другое; Россия – это огромное пространство с огромной же длины границами, из-за которых ей извечно что-то угрожает; Россия – монстр, создающий угрозу для всех вокруг; Россия – хорошо (хорошо ли?) вооруженная отсталая страна; Россия – это загадка истинной духовности, средоточие незлобivosti и миролюбия, вечный укор корыстной лицемерной Европе, – ну и так далее. Это все банальности. Суть в том, что, занятые ими, мы забываем поинтересоваться, а что имеется (имелось) в реальности.

К числу забытых вопросов относится и проблема сущности и особенностей русской империи. О ней много говорили как о колониальной державе. Ленин говорил, за ним поколения советских историков. Параллельно, когда в предвоенные годы возникла и потом сохранялась потребность в патриотической идеологической линии, появился обязательный для всех школьных учебников пакет утверждений: *Россия никогда не вела захватнических войн*, народы один за другим присоединялись к ней совершенно добровольно, и для них вхождение в империю было исторически прогрессивным явлением. Что парадоксальным образом не отменяло соображений об антинародной сущности самодержавия.

Затем, когда совсем недавно на наших глазах стала рушиться гигантская историческая и географическая данность, обозначавшая себя странной аббревиатурой *СССР*, вопрос о русском империализме приобрел ажиотажную остроту, подобно вопросу о наследовании многочисленными племянниками дядюшкиного богатства – немало, но обремененного долгами, судебными претензиями и к тому же проблемами управления и уплаты налогов. Уходившие в самостоятельность народы хотели забрать что-то от общесоюзного (совместно нажитого) добра, но уклониться от сопряженных с ним осложнений. Вступить во владение советским наследством, при этом не становясь наследниками советского строя. Возникла довольно острая, исполненная взаимных обид, дискуссия на тему: кто кому должен. Россия ли эксплуатиро-

вала республики? Республики пользовались немереными русскими ресурсами? По миновании политической необходимости, дискуссия быстро заглохла. Как в большинстве бракоразводных споров, каждый остался при своих убеждениях. Предполагалось, что истину когда-нибудь установят историки, но покамест общество об этом вопросе позабыло, как и о многих других. Возможно, эта забывчивость пошла на пользу всеобщему умиротворению.

Тем не менее, хоть мы сами это не всегда замечаем, неясность, невнятность бытующих в обществе представлений насчет колониальной политики царизма ощутимо нам мешает. Мешает в отношениях с соседями и собственными народами, мешает в диалоге с Западом. Самый на данный момент актуальный пример: Чечня. Европа в этом вопросе склонна указывать нам на собственный колониальный опыт. Да, они в минувшем столетии пережили крушение своих колониальных империй и имели много случаев убедиться, что зря пытались силой удержать Алжир, Вьетнам. Да, у них комплекс бывшей метрополии, испытывающей чувство исторической вины перед бывшими колониями. Допустим, они искренне и без задней мысли пытаются поделиться с нами своим опытом.

В любом случае, их опыт нам не подходит. Потому что Российская империя не являлась классической колониальной державой.

В глаза сразу бросается очевидная, элементарная разница: у России не было заморских колоний. Ленин, объявляя ее колониальной империей, настаивал, что положение народов национальных окраин по сути ничем от колониального не отличается. Он был прав в том смысле, что население тогдашней (на конец XIX — начало XX века) Российской империи не было в восторге от своего положения. Во всех остальных отношениях большевистский вождь передергивал. То обстоятельство, что русская экспансия шла в направлении смежных, приграничных территорий, имело принципиальное значение.

Европейские державы в своем стремлении к овладению заморскими странами преследовали в первую очередь цели экономические. Колонии становились источником ценного сырья, ресурсов, предметов роскоши (пряности, кофе, чай, золото, красное и черное дерево, шелк, самоцветы, хлопок, какао), рынком сбыта промышленной продукции (как Индия для английского ситца), местом оттока избыточного, активного, беспокойного населения метрополии. В последнее время у европейских историков появилась тенденция доказывать, что метрополии вкладывали в колонии больше, чем получали. Вероятно, вполне можно подобрать аргументы, показывающие, что это верно в отношении *государств* метрополий. Они, действительно, несли расходы по завоеванию заморских владений, поддержанию там администрации и вооруженной силы. Но граждане метрополий, несомненно, получали немалую выгоду: иначе бы колониями никто не занимался. С населением колоний поступали в соответствии со способом эксплуатации их территории. Если на землю претендовали колонисты для ведения своего хозяйства — туземцев с нее сгоняли, оттесняли на неудобные земли, селили в резервации. Если колонисты затевали плантаторские хозяйства — туземцы служили дешевой рабочей силой. В целом ряде стран в колониальную эпоху была создана экономика монокультуры (кофе, какао, арахис и пр.), приспособленная исключительно к европейскому рынку и принесшая освободив-

шимся от зависимости странам массу социально-экономических проблем. Идейным фоном эксплуатации колоний был жесткий расизм, служивший, видимо, своеобразным моральным самооправданием колонизаторов. Оговоримся: здесь и далее мы говорим именно о феномене колоний, не касаясь в более широком смысле раздела мира на сферы влияния держав.

Русская территориальная экспансия преследовала цели не экономические, а в первую очередь геополитические. Захват соседних земель осмыслялся как забота о собственной военной и государственной безопасности.

В сущности, идея, что народ следует завоевать, чтобы потом с ним торговать (европейский колониализм) выглядит со стороны столь же нелепо, как и идея, что беспокойного соседа надо завоевать, чтобы жить с ним в мире (наш вариант). Однако, обе они оказались мощными стимулами.

Как складываются поведенческие стереотипы, почему и как образуется та или иная геостратегическая парадигма — вопрос туманный. Силами строгой исторической науки он неразрешим: недостает объективных данных. Так что любые построения в этой области обречены на некоторую неакадемическую вольность трактовок.

«Стрелой татарской древней воли...»

Внешнеполитическое поведение Русского государства было, конечно же, глубоко прагматично (прагматично с точки зрения его агентов — даже если нам теперь оно таковым не кажется) и обусловлено географическими и демографическими факторами.

Одной из определяющих особенностей положения русского государства являлось соседство с кочевыми племенами. Набеги конников из южных степей были непреходящим обстоятельством, постоянно довлевшим над оседлым земледельческим населением. Не говоря уж о монголо-татарском нашествии. Освобождение Руси от ига Золотой Орды отнюдь не означало прекращения набегов. Через два года после победы Дмитрия Донского на Куликовом поле (1380 год) Москва была разорена и сожжена ханом Тохтамышем (1382), летописи свидетельствуют, что погибло до 20 тысяч человек — и действительно, при археологических раскопках в Кремле находили груды изрубленных скелетов. В 1408 г. под Москвой стояли войска хана Едигея. Золотая Орда к XV веку уже начинала терять силу и распадаться, ее раздирали усобицы. Так, нашествие Тохтамыша было своего рода неожиданным следствием русской победы в Куликовской битве — там потерпел поражение хан Мамай, а Тохтамыш был его соперником в борьбе за власть и теперь смог утвердиться в Орде, а затем начать «активную внешнюю политику» (приведшую его в 90-х гг. к столкновению с войсками Тамерлана и сокрушительному поражению в битве на Тереке (1395), на территории современной Чечни, в районе станиц Щедринская и Шелковская). В 30-х годах XV века из Орды выделились два самостоятельных ханства — Крымское и Казанское, в 60-х годах появилось ханство Астраханское. Теперь Московия страдала от регулярных набегов крымчаков — с юга и казанцев — с востока. Знаменитая тактика татар — стремительный налет неизвестно где и когда, затем быстрое отступление, когда конники внезапно появля-

лись из степей и бесследно в них растворялись, — позволяла им держать в постоянном страхе огромные территории.

Угроза набегов, гибели, разорения и полона, веками висевшая над просторными плодородными южнорусскими степями, привела к их запустению. Земли, некогда бывшие средоточием Киевской Руси, оказались зоной в высшей степени рискованного земледелия. Малонаселенные и слабовозделанные в эпоху монгольского ига, раздробленности, войн и усобиц, эти земли получили прозвание Дикое Поле, стали почти что «ничейными», но состав оставшегося населения и историческая память связывали их с Русью. Разраставшееся Московское государство в силу ряда причин не только хотело, но и практически было вынуждено занять эти территории и озаботиться их обороной: при наличии таких обширных пустующих пространств укрепить свои южные границы, где бы они ни пролегли, и обезопасить себя от набегов было невозможно.

Проблема Казанского и Астраханского царств была радикально решена при Иване Грозном. В 1552 году после взятия русскими войсками Казани земли ханства отошли под власть Москвы, к 1556 году сдалась и Астрахань. Годом раньше вассальную зависимость от московского царя признал сибирский хан. Но Крымское ханство было сильно, с ним ничего подобного не вышло. В том же 1555 году крымчаки разбили войско Ивана Грозного, затем выступили против него в Ливонской войне, в 1571 татары оказались у стен Москвы. Взять город им помешал вспыхнувший пожар, полностью его уничтоживший. На следующий год татарское войско пришло вновь, встретило отпор под Серпуховым и отступило. В 1591, при Борисе Годунове, крымское и турецкое войско опять подошло к Москве и стало близ Данилова монастыря. Ночная вылазка его защитников напугала татар и они ушли — победа была одержана почти что случайно.

На восточном и юго-восточном направлении московская политика оказалась в ту пору гораздо успешнее, нежели на южном. Отчасти потому, что Казань была к Москве поближе, и еще в XIV-XV веках московские властители активно прикармливали и переманивали на службу татарских дворян, выходцев из Поволжья. Одни перебежали к великому князю (позднее царю) Московскому со своими людьми и владениями, другие, напротив, получали земли от него. От них пошли многие известные впоследствии роды российских дворян, в том числе княжеские: Уваровы, Урусовы, Юсуповы (эти — вообще потомки плененной казанской царицы), Мансуровы, Давыдовы, Бибковы, Бахметевы и пр. Фактором, способствовавшим успеху, была и политика веротерпимости, одобренная митрополитом Макарием. Татарское население Поволжья не принуждали переходить в православие, оставили им полную свободу исповедовать ислам, хотя и строили там православные храмы для переселенцев или новообращенных. В каком-то смысле, присоединение казанских и астраханских земель можно рассматривать не только как завоевание иной страны, но и поставить его в контекст активно осуществлявшегося собирания земель в централизованное московское государство. Ведь речь об эпохе, когда в деле государственного строительства феодальные связи — вассальные, династические — по существу преобладали над национальными и этническими. Ну прирезал себе Иоанн Васильевич на этот раз

владения не какого-нибудь там тверского, серпуховского либо рязанского князя, а царя казанского — велика ли разница?

На южном направлении получалось хуже. Отчасти потому, что за Крымским ханством стояла Османская империя. Проблема набегов сохранялась. Русские пытались как создавать укрепления, так и самим атаковать поселения татар. Задача укрепить малонаселенные, но протяженные приграничные земли простой не являлась. Население было малочисленным из-за угрозы набегов, а из-за его малочисленности не хватало людей для строительства и защиты крепостей и укрепленных линий. Тем не менее, было сооружено несколько рубежей — засечных черт, по которым основали крепости. От них ведут начало такие южнорусские города, как Орел, Воронеж, Белгород. Соглашавшиеся переселиться туда служилые люди¹ получали определенные льготы, в первую очередь податные (налоговые). В то время как на центральных русских землях шел процесс закрепощения крестьян, южные степи принимали разного рода беглецов — собственно, аналогичным образом формировалось донское и запорожское казачество. Постепенно шла колонизация, пустовавшие земли заселялись.

С походами на крымских татар выходило хуже. Разбить и покорить Крымское царство не удавалось. Легкая и мобильная татарская конница чувствовала себя в причерноморских степях куда уютнее, нежели регулярное русское (в значительной части пешее) войско. Хронические войны с Крымом и с турками за Крым тянулись, если считать от победы над Казанью и Астраханью, еще два с лишним века, до самого его покорения при Екатерине Великой, в 80-х годах XVIII столетия. И все это время продолжались набеги на южнорусские и малороссийские поселения. Императрица жаловалась Вольтеру, что татары ежегодно заносили в русские пределы голод и чуму, убивали и уводили в плен до 20 тысяч человек в год (вопрос, что они делали с таким количеством невольников, разрешается просто: продавали в рабство в Стамбуле).

«Сибирью прирастать будет...»

В царствование Ивана Грозного началось активное покорение Сибири. Это, как и освоение южнорусского Дикого Поля — из тех случаев, когда сложно разграничить вооруженный захват территории и мирную ее колонизацию. Один современный американский исследователь вообще полагает, что Россия приобретала лишь то, на что не претендовали или не могли захватить другие государства. Может, это несколько преувеличено, но в отношении Сибири — вполне верно. До прихода русских на ее огромных пространствах существовал один из осколков Золотой Орды — Сибирское ханство, и жили разнообразные малые народы, частью кочевые, частью оседлые, придерживавшиеся своих определенных ареалов обитания. Численность их неизвестна, поскольку никаких переписей у них сроду не было. По приблизительным оценкам, в первой половине XVII века в Сибири коренного населения про-

¹ Служилые люди — это название социальной группы.

живало порядка 200 тысяч человек. То есть ее можно считать практически незаселенной. Русские шли на пустые земли.

Пресловутое «покорение Сибири Ермаком» — не более чем метафора. У Ермака было несколько сот казаков, он был чем-то вроде наемного атамана у Строгановых. Хотя Сибирское ханство в 1555 г. и признало вассальную зависимость от московского царя, но общей границы не было, как не было и практических поводов для соприкосновения. Присоединив казанские и астраханские владения, Москва не имела никаких реальных возможностей контролировать их восточные пределы. В 1558 г. Иван Грозный даровал богатому купцу Аникею Строганову обширные земли между Камой и Уралом, ставшие таким образом пограничными с Сибирским царством. А там пять лет спустя пришел к власти Кучум, начавший набеги на строгановские поселения. Фактически началась война Строгановых с Кучумом. Строгановы вербовали наемников, «охочих людей» любых званий и народностей, от татар до немцев, особенно же казаков. В 1581 к ним на службу пришел Ермак Тимофеевич с небольшим отрядом. Он повел действия против Кучума столь успешно, что захватил вскоре его столицу — город Искер близ Тобольска. Строгановы известили Москву о присоединении обширных земель, и тогда уж в помощь Ермаку был прислан небольшой отряд государевых войск. Кучум не сдавался, война теплилась. Тем временем на престоле Ивана Грозного сменил Борис Годунов, проявивший к сибирскому направлению гораздо более живой интерес. В последние годы XVI века было заложено несколько крепостей — Тобольск, Тюмень, Пелым, Березов, Сургут, Нарым и др. В 1591 Кучум был окончательно разбит воеводой князем Кольцовым-Мосальским.

Но: речь шла пока лишь о номинальном присоединении пустых земель, где и Кучум с его людьми был пришлым завоевателем. Первопроходцами их становились казаки и стрельцы, двигавшиеся по рекам, в удобных местах закладывая крепостцы. За ними тянулись крестьяне. Русское проникновение шло по двум направлениям. Казаки в основном двигались по югу Сибири, по границе степной зоны. Но еще раньше в Сибири появились поморы, охотники за пушниной — ценнейшим тогда товаром, служившим почти столь же твердой валютой, что и золото. Они спускались по рекам с севера, от Ледовитого океана. Именно поэтому многие города на малопригодном для обитания сибирском севере оказались основаны раньше ныне процветающих более южных, и в ту пору имели большее значение. Например, на Енисее северный Туруханск заложен раньше Енисейска, а тот — раньше Красноярска. Заселяли Сибирь русские люди, которым хотелось держаться подальше от властей и крепнувшего крепостного права. Власти, со своей стороны, охотно пользовались ею как местом ссылки. Процесс овладения Сибирью имеет много параллелей с продвижением американцев на Дикий Запад. С одним существенным различием: в отличие от Америки, здесь не имело места истребление и изгнание коренных обитателей. Места было много, и автохтонных жителей, и переселенцев — мало, сил на военные столкновения не было ни у тех, ни у других. Системы хозяйствования были к тому же различны, русские занимали свободные земли. Царская администрация, имевшая мало возможностей управлять покоренными народами (уж больно они были далеко), не особенно вмешивалась в их жизнь, оставив неприкос-

новенными их традиционные общественные, хозяйственные и религиозные институты, и управляло через местные национальные элиты, которые обязывало платить не слишком обременительную дань. Сибирские народы не были разорены с приходом русских — об этом свидетельствует хотя бы рост их численности, к концу XVIII века превысившей 360 тысяч человек.

Ничего похожего на колониальный расизм не имелось.

Разумеется, соприкосновение с русскими несло сибирским малым народам ряд проблем, все сильнее нараставших к началу XX столетия. Но по сути своей, это были проблемы не специфически русского угнетения, а вовлечения традиционных народов в орбиту цивилизации западного типа. Так или иначе, такого рода проблемы неизбежно вставали и встают перед любым народом.

И тогда, и позднее, в имперский период, Сибирь была причудливым переплетением каторжного края со слабо контролируемой вольницей (тут есть сходство с Северной Америкой, Австралией). Туда бежали нарушители закона всех сортов, раскольники, сектанты, крепостные. Начавшаяся было раздача помещикам земель близ Урала и закрепощение местных жителей были прекращены после нескольких крупных восстаний башкир во второй половине XVIII века. Екатерина II поспешила оградить права башкир и даровать им некоторые привилегии, чем разрядила обстановку. За Уралом крепостного права не существовало совершенно официально, как и помещичьего землевладения. Позднее отправлявшихся в ссылку декабристов власти предупреждали, что взятая ими с собой крепостная прислуга в Сибири автоматически станет вольной.

Позднее по той же схеме, что Сибирь, Россия пыталась освоить пространства Аляски. Но неудачно. Продвинулись на Аляску русские купцы в погоне за пушным зверем. А вот последующей колонизации не получилось. Аляска была не только уж очень удалена, но и климат ее слишком сильно отличался от привычного русскому крестьянину, да и мирного сосуществования с коренным населением не вышло. Попытки Российско-Американской кампании завезти на Аляску русских поселенцев проваливались. Поддерживавшее кампанию правительство терпело убытки — дохода от Аляски было мало, средств на поддержание переселенцев, завоз им продовольствия, содержание флота шло гораздо больше. Когда в 1867 г. Александр II от нее отказался, это выглядело разумным актом.

«Отсель грозить мы будем...»

В Европе русская экспансия настоящего размаха достигла в императорский период. Главной задачей политики Петра I было, как известно, приобретение выхода к удобным морским портам. Испробовав и южное, Черноморское (все тот же Крым), и северное, Балтийское, направления, он сосредоточился на последнем. За XVIII — первую половину XIX века Россия присоединила земли Прибалтики (в их числе — как некогда бывшие русскими, затем завоеванные соседями, так и вполне исходно чужие), Польшу, Молдавию и Валахию, Крым, Кавказ и Закавказье, Финляндию, Аляску и даже участок Калифорнии. Вторая половина XIX века ознаменовалась покорением Средней Азии, окон-

чательным присоединением территорий Казахстана и продвижением на Дальнем Востоке, перед самой Первой мировой войной в состав России вошла Тува. С 1646 по 1914 г. площадь России увеличилась с 14 до 21 млн. кв. км, а население — с 7 до 178 миллионов человек. При этом в начале XX века на территории в границах 1646 г. жило 73 миллиона человек, на новых землях — 105 миллионов (это не значит, что такова была численность присоединенного вместе с этими землями населения — имели место естественный прирост населения и активная миграция русских на свободные земли, отчасти и встречное перемещение иных народов в старые пределы России). Уже к 1760-м годам Россия стала самым населенным государством Европы (в 1762 г. на ее долю приходилось 18% европейского населения, в 1850 — 27%, в 1910 — 32%). Что, несомненно, создавало возможность и желание для экспансии.

Что двигало русским правительством при определении направления экспансии? Зачем, собственно, русские продвигались практически во все стороны света? Логика присоединения разных территорий была различна.

Прежде всего, не будем упускать из виду, что завоевания были нормой поведения держав той эпохи. Практически речь шла не о столкновении агрессора и его жертвы, а о взаимном стремлении держав расширить свои пределы. При этом, разумеется, отходившие к одной из стран земли становились частью ее территории, но отнюдь не колониальным владением (Польша и Финляндия не были русскими колониями, как не была Ирландия колонией английской, Сербия — австрийской и т.д.). За войнами России с западными соседями, Турцией и Персией стояла именно такая логика взаимных экспансионистских намерений, где сложно уж разобрать, кто начал первым, кто напал, кто оборонялся, кто упреждал нападение.

Петр Великий вступил в войну со Швецией не впервые в русской истории, с ней и Иван Грозный воевал, без особого успеха. Швеция переживала пору взлета и могущества и вела себя достаточно активно — перелом наступил как раз после сокрушительного поражения армии Карла XII русскими. Покоряя Прибалтику, Россия воевала с прежними ее хозяевами — шведами, которые в свою очередь некогда отняли эти владения у немецких рыцарских орденов. Автохтонное население своей государственности не имело, и его то никто не спрашивал.

Столь же постоянным фоном нескольких столетий были войны русско-польские и русско-литовские (когда Литва и Польша были единым государством) с непрерывными перераспределениями спорных земель. На протяжении XVIII столетия Польское государство приходило в упадок (главную причину которого принято видеть в выборности монархии и на этой почве неустанным соперничеством и усобицами магнатов), соответственно соседние державы азартно включались в дележ польского пирога. Россия наравне с Австрией и Пруссией активно участвовала в трех разделах Польши второй половины XVIII века и финальном — по завершении наполеоновских войн, когда царство Польское было фактически восстановлено в составе Российской империи.

На южном направлении продолжались столкновения с Турцией и Персией. Отчасти те действительно питали собственные планы продвижения на север, отчасти, возможно, сказывалась инерция многовековой борьбы с на-

бегами крымчаков — но Россия считала необходимым продвигаться на юге в целях обеспечения безопасности своих пределов. Народы Кавказа и Закавказья оказались между тремя крупными хищниками и не имели ни шансов сохранить независимость, ни особой возможности хотя бы выбирать хозяев. Православное население видело меньшее зло в русском господстве, надеясь найти покровительство и защиту от на самом деле очень кровавого и жестокого турецкого нашествия, при котором поголовно вырезать местных жителей было делом обычным. На рубеже XVIII и XIX веков под покровительство России попросилась Грузия и с 1801 г. вошла в состав империи. Для России это приобретение стало в каком-то смысле роковым. Отказаться — невозможно: и приращение владений, и надежная опора на Кавказе, заслон от продвижения южных соседей, да и единоверцы, отказать которым в защите от чуждого и опасного мусульманского мира русское сознание не могло. А получив Грузию, Россия оказалась теперь уже перед необходимостью покорять отделяющие ее земли Кавказа...

С Турцией хронически воевала не только Российская, но и Австрийская империя, боровшаяся с турками за балканские территории. Соперничество держав сопровождалось интригами, сложными комбинациями, где вчерашние союзники становились противниками, чтобы затем вновь вступить в союз против третьей стороны. За влияние на Порту боролись английская и французская дипломатия, старавшиеся не допустить ни продвижения Османской империи, ни чрезмерного усиления ее европейских соперников. На этом фоне Россия приобрела Молдавию и Валахию, а также периодически впадала в мечтания о захвате важных для ее мореплавания средиземноморских проливов и идеологически значимого Константинополя (ведь веками Москва позиционировала себя как законную наследницу Византии), но сил для их реального воплощения не имела — из-за войны на Кавказе главным образом.

XIX и начало XX века стали эпохой по-настоящему масштабной европейской колониальной экспансии. Именно тогда европейские державы от основания опорных пунктов, крепостей и факторий в разных частях света перешли к планомерному захвату территорий третьего мира — Азии, Африки, островов. Именно тогда по-настоящему острым стало соперничество в разделе мира. Южные и восточные соседи Российской империи стали объектами пристального внимания в первую очередь Англии — сильнейшей из колониальных держав, да и Франции тоже. Это обусловило русское стремление взять соседей под контроль и привело к завоеванию государств Средней Азии — в то время как Афганистан, Ирак, Персия уже испытывали осязаемое английское влияние.

Итак, Российская империя включила в свои пределы совершенно разнородные народы, принадлежавшие к Западной и Восточной цивилизациям, имевшие разные религии, уклады, уровни развития экономики. Среди них были народы с древней традицией государственности (Польша, Грузия, Хива, Бухара) и вообще никогда не имевшие ничего ей подобного. Почему мы утверждаем, что эти народы не являлись русскими колониями?

Для России население национальных окраин было буферным, приграничным, с его лояльностью сопрягались надежды на безопасность границ. В

этих условиях эксплуатировать его нещадно не было никакой возможности. Напротив, требовалось завоевывать его симпатии. Грубо говоря, в то время как иные колониальные державы выкачивали средства из покоренных земель, Россия их туда скорее вкладывала. Соответственно с основной задачей формировались принципы русской национальной политики. Во-первых, покоренные народы оставляли жить, как они прежде жили, не вмешиваясь в их уклад, обычаи, верования. Управлять ими русские власти старались с помощью их собственных структур — национальной знати, советов аксакалов и т.д. С национальными элитами старались сотрудничать, охраняли их привилегии, по мере надобности наделяли новыми. Развитые, европейского типа элиты вливались в российскую, как некогда случилось с выходцами из казанских татар, ставших русскими дворянами. Грузинская, польская знать, остзейское дворянство успешно вошли в благородное сословие империи, роднились с русскими родами, делали карьеры на царской службе, вносили вклад в русскую культуру. Для примера вспомним о царских грузинских кровей генерале Багратионе, отпрысках польской шляхты поэте Баратынском, литераторах Булгарине и Сенковском, остзейском дворянине Бенкендорфе.

Население национальных окраин имело существенные преимущества перед жителями собственно русского центра. Оно не закрепощалось, имело налоговые льготы. Это касалось даже евреев, в отличие от других народов проживавших в черте оседлости. Большинство нерусских народов до введения всеобщей воинской обязанности в 1874 г. было свободно от рекрутирования в армию (а рекрутчина была жесткой мерой — ведь в армию забирали по жребию на 25 лет, практически пожизненно). Последняя мера была сугубо практической. Не только в силу недоверия к инородцам. А что было делать с ними в армии, когда они не владели русским языком, плохо ориентировались даже в чисто бытовом русском укладе? Какие из них могли быть солдаты? Русское правительство предпочитало угнетать титульную нацию, но армию иметь боеспособную.

В целом во внутренней политике национальный фактор не был решающим. Скажем, в анкетах военных и гражданских чиновников мы не найдем вопроса о национальности — лишь о религиозной принадлежности. Принявший православие (хоть бы и еврей) мог в принципе забыть о своей национальной принадлежности. В отношении евреев, кстати, в первую половину XIX столетия правительство придерживалось политики всяческого поощрения их добровольного вовлечения в общерусскую жизнь: обучение в гимназиях и университетах, отход от традиционного образа жизни. Вытеснять и притеснять их начали ближе к концу века.

Правительство в отношении отдельных приграничных областей принимало меры по поддержанию достаточно высокого уровня жизни местного населения — о русских опять же так не пеклись. Вопрос о балансе экономических отношений центра и периферии нельзя назвать изученным. Но логично предположение, что хозяйственное развитие национальных окраин выигрывало от существования в рамках обширного экономического пространства империи, с емким российским рынком, огромными природными ресурсами. Центральное правительство платило за строительство путей сообщения, содержание армии и администрации, почты наконец.

В прибалтийских землях раньше русских началось ограничение крепостного права. Финляндия и Польша при вхождении в состав России получили конституции, причем польская была на тот момент самой демократичной в Европе. Александр I как бы пробовал на Польше возможности либеральных преобразований. Русская прогрессивная элита была оскорблена: поляки, вчерашние враги, пришедшие в Россию с армией Наполеона, оказывались теперь избранным государем народом. Первый план царевубийства, обсуждавшийся в декабристском тайном обществе (1817), возник как реакция на слухи об очередных царских милостях полякам.

В русской национальной политике четко выделяются два периода, до 1863 года и после. Первый характеризуется вышеописанными терпимостью, покровительством, созданием благоприятного режима. При этом вопрос о русификации инородцев, обращении их в православие конечно же стоял, но не принимал насильственных форм. В умах еще господствовали идеи просвещения, и русификация осмыслялась в их контексте, как приобщение диких народов к цивилизации.

Однако получалось, что все эти меры скорее не препятствовали, а способствовали формированию национального сепаратизма. Национальные элиты зрели и постепенно начинали ощущать, что русское покровительство им более не нужно. Для всей Европы XIX век стал временем формирования и расцвета идей национальности с последующим стремлением к автономии и независимости. В России флагманом сепаратизма была, конечно же, Польша. И перелом в национальной политике наступил после двух польских восстаний (1830, 1863). Правительство повело довольно грубую и запоздалую борьбу с национальными течениями, равно как и с иного рода вольномыслием. Вторая половина века как раз отмечена насильственной русификацией, отказом нерусским народам в привычных привилегиях (так, недовольство в Финляндии было спровоцировано распространением на нее воинской повинности и налогообложения как в центральных областях — тем самым царизм нарушил договор об условиях вхождения Финляндии в империю). Русские революционеры, со своей стороны, рады были поддерживать и блокироваться с любыми антиправительственными национальными движениями.

Самодержавие терпело крах не только в национальной политике. И не многонациональный состав империи был главной причиной революционного кризиса, а в первую очередь нарастание нерешенных социальных проблем, неуклюжая внутренняя политика, катастрофическое падение доверия разных слоев населения к власти.

По миновании гражданской войны, как мы знаем, большая часть осколков империи предпочла вернуться к совместному проживанию — видимо, что-то они в этом тогда находили...